

КУЛЬТ ЛЕСА В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ МОРДВЫ*

А. А. СЫЧЕВ,

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»*

(г. Саранск, РФ)

Обычай и обряды, связанные с поклонением лесам, рощам и отдельным деревьям, – органичные элементы мифологической культуры мордвы. Особое внимание, которое им уделялось в системе верований, было обусловлено прежде всего природно-климатическими особенностями Мордовии и сопредельных территорий, большая часть которых вплоть до XVIII в. была покрыта обширными лесными массивами [15, 107].

В отчетах путешественников, работах географов и историков Мордовия описывалась как край лесов. Вильгельм Рубрук в XIII в. утверждал, что «эта страна за Танаисом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель... и Мердас» [17, 110]. Роджер Бэкон добавлял о жителях этого края, что «города у них нет, но хижины в лесах» [4, 215]. В «Записках о Мордовии» XVI в. Сигизмунд фон Герберштейн сообщал ту же информацию: «На восток и на юг от реки Мокши встречаются огромные леса, в которых живет народ мордва» [5, 100].

Исторические данные свидетельствуют, что древняя мордва, как и другие народы, обитавшие в лесах, изначально жила охотой и собирательством. На лес как на основу хозяйственной деятельности мордвы особо указывал один из первых ее исследователей – П. И. Мельников-Печерский. В древние времена, писал он

в «Очерках мордвы», этот народ жил «занимаясь звероловством в дремучих лесах своих, хлебопашеством на расчищенных среди этих лесов полянах и бортевым пчеловодством» [12, 418].

С распространением сельского хозяйства лес не потерял своего хозяйственного значения. В подсечно-огневой системе земледелия, которая использовалась мордвой, основным удобрением, обеспечивавшим продуктивность почвы, являлась древесная зола, а почву от выветривания защищали деревья, окружавшие расчищенные поляны. Однако даже в XIX в. хлебопашество не позволяло полностью удовлетворить местные нужды. В ряде районов Мордовии крестьяне, особенно в случаях неурожая, выживали только благодаря лесу. П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что главным промыслом здесь следовало бы «считать лесной во всех его видах» [19, 98–99]. Этот промысел обеспечивал население ценными ресурсами: дичью, медом, древесиной, грибами, ягодами, орехами, лекарственными травами и сырьем для кустарных промыслов. На протяжении большей части своей истории жизненно важные виды деятельности мордвы были непосредственно связаны с лесом или же каким-то образом от него зависими.

Колонизация и интенсивная распашка земель вынуждали мордву отступать в глубь лесов. И. И. Дубасов утверждал, что «мордва издавна была притесняема другими народами, от которых находила верное убежище среди непроходимых лесов» [6, 122]. П. И. Мельников-Печерский

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РМ в рамках научного проекта № 14-13-13009 а(р).

также отмечал, что она, «оттесненная новыми пришельцами, запряталась в дремучих лесах, укреплялась там в своих “твердых”» [12, 418]. Масштабная вырубка лесов, которая началась в XVIII в., привела к тому, что мордва, лишённая источников существования, была вынуждена мигрировать все дальше от мест исконного обитания, увеличивая дисперсность своего расселения. При этом она пыталась «разрешить экономические трудности путем переселения в районы, более обеспеченные земельными и лесными угодьями» [16, 12]. Во всех критических случаях помощи и защиты от бед и проблем, угрожающих самому существованию народа, мордва искала именно у леса.

Леса, как и другие крупные и сложные экологические системы (горы, моря, великие реки), специфическим образом влияют на уклад живущих рядом людей, формируя их культурные особенности и предпочтения. Значимость леса в мордовской этнической культуре отражена в многочисленных обрядах, ритуалах, мифах, преданиях, сказках, приметах, песнях, а представления о необходимости сохранения леса выступают в качестве одного из самых устойчивых элементов нравственного сознания мордвы. В XIX в. этнограф В. А. Ауновский писал, что «патриархальность мордвы, привязанность ее к родному селению, уважение к лесу, довольство и давно развившееся посильное умение пользоваться дарами окружающей природы, – без сомнения, не что иное, как прямые следствия глубоко укоренившегося расположения к обитаемой ею стране» [1, 89].

Значение лесов для жителей Мордовии сложно переоценить: они были основным местом для трудовой деятельности и отдыха, условием выживания и убежищем от притеснений, источником достатка и важным фактором осознания культурной и национальной идентичности. И. Снежницкий подытожил особое отношение мордвы к лесу так: «Любимые, дорогие места жительства мордвы – леса,

которые им так же необходимы, как нам – весна, рыбе – вода» [22, 627].

Учитывая значимость леса для жизни мордвы, легко понять то особое место, которое дикая природа занимала в системе ее верований. Для проведения религиозных обрядов не требовалось специальных культовых сооружений: вся окружающая среда представлялась верующим храмом. Чтобы священнодействие могло состояться, достаточно было наличия деревьев и источника чистой воды.

Места для общих сезонных молений мордва устраивала в лесах, рощах, на лесных полянах, полях, вблизи рек, ручьев или источников. Традиционное мольбище, как правило, было у каждой деревни. Кроме того, существовали крупные мольбища, где периодически совершались ритуалы в присутствии нескольких общин. П. И. Мельников-Печерский упоминал о пяти таких мольбищах (кереметях) в Терюшевской волости Нижегородской губернии, периодически собиравших всех терюхан волости [12, 445]. Село Малое Терюшево А. Д. Смирнов называл религиозным центром мордвы-терюхан. Он писал, что «еще в 1879 году здесь была цела Кереметь – роща с вековыми липовыми и дубовыми деревьями, известная у русских крестьян под именем мордовского моления» [20, 285].

Представления о священном характере некоторых рощ и участков леса сохранились до наших дней. В числе таких мольбищ – Абатонь угол у с. Мордовское Давыдово, Колдонь тума у с. Новая Муравьевка, Оскс лей у с. Болдасево, Озондома пора у с. Ежовка [23], Кузьмерь у д. Большое Сескино, Малютин у д. Макараша, Лукаш у с. Новоселки [14] и др. В некоторых случаях объектом поклонения (или опасения) выступали отдельные деревья: дубы близ с. Симкино и с. Румстиха, липы у с. Кожлейка, старый ясень у д. Крапивка, вяз у бывш. с. Селево и т. д.

П. И. Мельников-Печерский писал: «Когда мордва еще не была крещена, волостные, а местами и деревенские керемети огораживались плетнем. В лесу или

роще избиралась небольшая четырехугольная ровная площадка, сажен в 20–30 длины и столько же ширины; ее огораживали, как сказано, плетнем, а иногда и высоким тыном» [12, 444–445]. Все, что оказывалось внутри ограды, объявлялось пространством с особыми магическими свойствами. Предполагалось, что ритуалы (молитвы, жертвоприношения, пиры), совершенные подобающим образом, оказывали прямое воздействие на космические силы, например, могли вызвать дождь, прекратить мор или повысить плодородие земли.

В рамках подобной системы верований верным считалось и обратное: недостойные поступки, совершенные в пределах священного места, могли нанести реальный ущерб окружающей среде, привести к катаклизмам и бедствиям, подточить основы физического мира. В связи с этим внутри керемети некоторые действия строго запрещались. По свидетельству В. А. Сбоева, «ни лесу рубить, ни травы косить, ни зверей бить в ней не дозволялось» [18, 90–91]. Из сообщений местных жителей следует, что в различных местах запрещалось также ломать ветки, срывать цветы, убирать уже упавшие деревья, сдирать кору, собирать хвост, грибы и ягоды. В целом эти запреты сводились к тому, что в священном пространстве все должно было происходить естественным путем и без какого-либо вмешательства человека.

Есть указания на то, что в рощах «запрещались все действия, ориентированные на загрязнение, разрушение, опустошение, ссоры, драки, применение в речи брани, ругань» [9, 18]. В ряде случаев не разрешалось шуметь и смеяться и замышлять нечто предосудительное: даже недостойные мысли здесь приобретали способность негативно влиять на материальный мир. Священная роща должна была оставаться чистой, неоскверненной не только в физическом, но и в духовном смысле.

Запреты на любое причинение ущерба священным деревьям широко представлены в фольклоре и в ряде исто-

рий (быличек), которые приводят многие исследователи мордвы; такие истории нередко можно услышать и сейчас от представителей старшего поколения. Деревья в них часто очеловечиваются: они стонут и истекают кровью под ударами топоров. Наказанием за посягательство на деревья являются ослепление, обездвижение, безумие, смерть. Глубокая укорененность подобных запретов в традициях и фольклоре позволила отдельным рощам или группам деревьев сохраниться до нынешнего дня: в некоторых случаях, окруженные со всех сторон полями, они остаются напоминанием о древних лесах, частью которых были когда-то.

По мнению ряда исследователей, священные места и сейчас обладают рядом характерных особенностей, отличающих их от прочих мест. В частности, они «отмечены более богатым разнообразием животного и растительного мира в сравнении с другими лесными объектами» [2, 85]. Именно здесь часто можно обнаружить редкие растения, исчезнувшие в других местах региона. Все это позволяет говорить о том, что нравственные ограничения и религиозные запреты в культе леса обладают явно выраженным экологическим смыслом.

Г. Г. Зейналов и Е. В. Рябова пишут о том, «человечество на протяжении своей истории в особо опасных и важных направлениях деятельности с целью самосохранения применяло табу в виде запретов, защищающих от ошибок» [9, 17]. Лес был главным условием выживания древней мордвы, поэтому закономерно, что основные запреты были связаны именно с ним. Сегодня проблема самосохранения вновь стоит перед человечеством, а в число глобальных угроз входит и экологическая проблема. В этих условиях, полагают многие исследователи, частью экологического сознания современного человека должна стать система экологических табу – строгих запретов на нанесение вреда природе, имеющих силу безусловного нравственного императива.

В условиях кризиса в отношениях общества и природы табу, приметы, поверья и моральные ограничения, сформировавшиеся на том этапе, когда человек еще не противопоставлял себя природе, могут рассматриваться не просто как суеверия и предрассудки, но как основанные на здравом смысле элементы экологической культуры, достойные внимания и переосмысления в природоохранном аспекте. В. Е. Борейко заключает: «Система запретов в священных ритуальных рощах у многих народов в конце концов трансформировалась в виде моральных норм, юридических установок, религиозных правил. Из запретов выросла самобытная интереснейшая культура» [2, 74]. Сегодня экологические табу – часть национальных традиций и важный элемент культурной идентификации многих коренных народов.

Особенностью табу, связанных с культом священных рощ, является их конкретность: они не просто призывают отказаться от загрязнения рощ, а четко прописывают, что именно нельзя делать в конкретной роще. При этом характер запретов изменяется в зависимости от природных особенностей каждой местности.

Одна из причин формирования экологических запретов кроется в особом отношении языческого сознания к лесу. Леса в мифологии не рассматривались только как ресурсы, пассивные объекты воздействия человека. Каждая роща, дерево, поляна имели своего «гения места». Чтобы срубить дерево, собрать ягоды, просто войти в лес, необходимо было заручиться помощью и поддержкой соответствующего духа-покровителя, а также воздержаться от всех действий, которые могли бы оскорбить его, причинить ущерб.

Центральное значение для культа леса у мордвы имели вирь-авы (или вирявы) – хозяйки, покровительницы лесов. И. Снежницкий писал: «Смелая фантазия мордвов создала такое лесное существо, которое имеет образ человеческий, с длинными на голове волосами,

роста неопределенного, – когда идет лесом, ему равна, полем – хлебу, лугами – лугу. Вирява видоизменяется: приходила в село кошкою, собакою и волком» [22, 630–631].

Вирь-авы могли быть не только людьми или животными, но и деревьями, птицами, демоническими существами. В этих представлениях об оборотничестве, по-видимому, отражена первоначальная нерасчлененность человека и окружающей его среды, характерная для взглядов того времени, когда люди еще не противопоставляли себя природе.

В фольклоре вирь-ава показывает дорогу заблудившемуся путнику, или, напротив, запутывает человека в лесу. Она может указать на грибное, ягодное место, вылечить человека, а может похитить ребенка. Вирь-ава способна быть в равной степени доброй и злой, полезной и вредной, привлекательной и страшной. Столь широкий диапазон оценок, очевидно, связан с ее стихийным происхождением: она, скорее, хаотическая природная сила, чем оформленная личность, и, как всякая стихия, стоит вне или выше человеческих оценок. Кроме того, двойственность ее образа связана с тем, что на древние верования о хозяйке леса как о заступнице и покровительнице наложились христианские представления, в которых образы сверхъестественных существ из языческих верований ассоциировались с нечистой силой.

П. И. Мельников-Печерский, чьи сведения о религиозных верованиях мордвы оказали сильное влияние на дальнейшее их изучение, оставил противоречивые описания лесной хозяйки. Вначале он изобразил пантеон мордовских богов, указав на наличие верховного бога и ряда второстепенных божеств, связанных родственными узами. В число последних писатель поместил богиню лесов, рощ и деревьев Верью-Патяй (или Вирязараву). Ниже, однако, он оговорился, что было «этих второстепенных богинь множество» [12, 437], в том смысле, что подобное божество было в каждом лесу или роще.

В исследованиях этнографов, которые проводили самостоятельные изыскания, подтверждается множественность таких существ. И. Снежницкий подчеркнул это, назвав свой очерк «О вирявах». И. Н. Смирнов также писал о них во множественном числе: «...живут Вирь-авы в дуплах деревьев, в шалашах и избушках. В холодные ночи они являются иногда у охотничьих костров, чтобы погреться» [21, 218]. Ф. Бутузов, передавая верования мордвы Симбирской губернии, приводил слова крестьян о том, что «в каждом большом лесу живут своя Вирь-ава и Вирь-атя» [3, 486]. То же следует из полевых записей Н. Ф. Мокшина: «В этом лесу – своя Вирь-ава, в том лесу – другая Вирь-ава» [13, 300]. В целом в описаниях исследователей вирь-авы более всего напоминают леших или других лесных духов, связанных не с лесом вообще, а с данным отдельным лесом.

Поскольку для древней мордвы не существовало культа леса как такового, не было и единого образа богини Вирь-авы, символизирующей обобщенное понятие леса – подобные представления, по-видимому, являются следствием или очень поздних влияний, или модернизации образа покровительниц леса исследователями. Реально существовали только отдельные леса, каждому из которых покровительствовала своя вирь-ава, и те отличались друг от друга видом и характером так же сильно, как, например, старый сосновый бор отличается от молодой липовой рощи. Вирь-авы были смертными и зависимыми от места своего обитания: после его уничтожения, как правило, исчезали и они. Их бессмертие было, скорее, родовым, т. е. бессмертием природы как вечно возрождающейся силы. В фольклоре нельзя обнаружить образ Вирь-авы как цельной личности (по типу богов античной или скандинавской мифологии), но можно найти множество описаний различного рода вирь-ав.

Представления о вирь-авах во многом сходны с верованиями в духов-хранителей деревьев. В их числе упоми-

наются, например, Келу-паз – бог березы, Тумо-паз – бог дуба, Пиче-паз – бог сосны, Пекше-паз – бог липы и т. д. Все эти божества, указывал И. Н. Смирнов, «связаны каждый с отдельным экземпляром дерева той или иной породы» [21, 222], т. е. собственный дух-покровитель был у каждого конкретного дерева, а не у вида. Более того, свои духи были и у частей дерева. П. И. Мельников-Печерский, например, пишет о божествах бревен и лубьев, а И. Н. Смирнов упоминает о распространенных у мордвы верованиях в особые способности духов, живущих в дуплах деревьев. Также знаменательное место в системе воззрений занимали древесные пни: в одном из мифов рассказывается, как из одного из них был сотворен человек.

Деревья находились в центре большей части ритуальных действий мордвы. «Общественные моления, – отмечал М. Е. Евсевьев, – всегда совершались за деревней у ручья или родника, а так как в старое время леса находились всегда близко к деревне, то моления обычно происходили у опушки леса под дубом, вязом, липой, березой или сосной, но осину и ель мордва избегала» [7, 188].

Выбор определенного рода деревьев для молений, очевидно, был связан с их значением для жизни мордвы: именно они были основными лесообразующими породами на основной территории волжских финнов. Так, П. И. Кеппен на материале сравнения названий деревьев в угро-финских языках пришел к убеждению «что родиной финских племен была страна, где росли дуб, орешник, ясень, клен, рябина, сосна, береза и яблоня» [цит. по: 11, 4]. Эта страна, полагал он, располагалась в среднем течении Волги между Окой и Сурой. Соответственно мордва, прямые предки которой населяли этот лесной край, аккумулировала огромное количество знаний об окружающей среде и об особенностях природных локальных объектов, животных, а также произрастающих здесь растений, в особенности деревьев.

Обычно объектом поклонения становились деревья, которые чем-то отличались от других – величиной, возрастом, формой. В средней полосе этим условиям больше всего соответствовали дубы. В мордовской системе верований дуб олицетворял твердость, стойкость, долголетие и ассоциировался с мужским началом. Долголетие позволило некоторым почитаемым дубам дожить до сегодняшнего дня. Один из самых известных – четырехсотлетний черешчатый дуб у д. Симкино, последний выживший из группы дубов, когда-то окружавших священную поляну. Его ветви украшены лентами, платками, полотенцами, игрушками и иконами, символизирующими загаданные или исполненные желания людей, до сих пор не прекращающих паломничество к дубу.

Береза в мордовском фольклоре часто именуется святым деревом. Она ассоциировалась с плодородием и молодостью, возрождением, обновлением природы. Береза очень широко использовалась в свадебной обрядности: ее ветвями украшали повозку, в которой ехали жених с невестой, самих новобрачных хлестали березовыми прутьями и т. д. В с. Большое Пермиево сохранился обряд проводов весны, в ходе которого выбиралась и воспевалась береза, символизирующая это время года. «При ее выборе исполнялся ряд магических действий с приношением каких-либо даров хозяйке леса Виряве. Украшать березу начинали около 15–16 часов. В этом участвовали женщины всех возрастов. Каждая семья была обязана принести либо украшение, либо материал для его изготовления... Потом... молодежь валила деревце и старалась схватить какое-либо украшение. Особо ценился букет “счастье”, закрепленный на вершине. Считалось, что это украшение принесет в дом счастье, удачу, благополучие» [16, 84].

Липы, считала мордва, помогали справиться с ущербом, нанесенным болезнью и проклятием. Как правило, к ним обращались женщины в случае бездетности или болезни детей. Также считалось, что

некоторые липы могли снять с человека вину перед высшими силами. М. Е. Евсевьев писал о таких деревьях: «Направляясь в д. Вечкенино Наровчатского уезда, по пути свернул к так называемым прощеным липам... Они стоят совершенно одиноко среди открытого поля... “Прощеными” эти липы назвали потому, что они, по понятиям мордвы, обладают чудесным свойством отвращать гнев раздраженных богов и получать от них прощение. Молиться липам народ ходит во всякое время года, но больше всего летом, от Троицы до Ильина дня». При этом после христианизации мордва не прекратила поклонения липам: М. Е. Евсевьев далее указывал, что в с. Волгапино Краснослободского уезда после молитвы в церкви вся паства, а также священник переходили под липу просить здоровья и урожая [8, 345, 355].

Выбор дерева для молитвы был обусловлен не только тем, что просили, но и тем, кто именно высказывал просьбы. Так, дуб помогал мужчинам, береза была деревом молодых девушек, липа – покровительницей зрелых женщин. Соответственно для проведения некоторых коллективных обрядов, связанных с плодородием, наиболее благоприятным местом было то, где дуб, липа и береза росли рядом.

Объектами поклонения служили и другие деревья: яблоня считалась символом гармонии, осине и рябине приписывалась способность отгонять нечистую силу, ясень и вяз были известны как колдовские деревья, хвойные деревья относились к культу предков и т. д. При этом конкретные способности, которыми, по мнению верящих, обладало то или иное дерево, могли варьироваться в широких пределах в зависимости от локальных условий. Во всех случаях сложно говорить о том, чего участники молений ожидали, например, от лип или дубов как таковых, но всегда можно точно сказать, чего именно ожидали от данных липы и дуба.

В системе экологических верований мордвы обращает на себя внимание их

подчеркнуто локальный характер и тесная связь с местными условиями. Здесь нет абстрактных принципов и отвлеченных понятий: все требования, запреты и нормы ясны, однозначны и выводятся из особенностей конкретной местности. Каждый человек отвечает за то, что его окружает, его ответственность уникальна и отличается от ответственности любого другого человека. Точно так же уникальны и объекты его ответственности: леса, рощи, деревья. Каждый из этих объектов значим сам по себе, одухотво-

рен и имеет такое же право на существование, как и человек.

За обрядами и запретами, связанными с деревьями, рощами, лесами, природой, важно видеть не только мифологию и религию, не только фантастические и искаженные представления о мире, но и развитую моральную систему: совокупность ценностей и норм, способствующих сохранению окружающей среды, прежде всего сбережению лесов, которые имеют важное культурное и экологическое значение для региона.

Поступила 01.10.2015

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Ауновский, В. А.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. – Симбирск, 1869. – С. V-85-108.
2. *Борейко, В. Е.* Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи / В. Е. Борейко. – Киев : КЭКЦ, 2003. – 224 с.
3. *Бутузов, Ф.* Из быта мордвы села Живайкина Жадовской волости Карсунского уезда Симбирской губернии // Известия ОАИЭ при Казанском университете. – 1893. – Т. 11, № 5. – С. 486–487.
4. *Бэкон, Р.* Великое сочинение // Английские средневековые источники IX–XIII вв. – Москва, 1979. – С. 189–234.
5. *Герберштейн, С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. – Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Компании, 1866. – 229 с.
6. *Дубасов, И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1 / И. И. Дубасов. – Тамбов : Типография губернского правления, 1890. – 225 с.
7. *Евсевьев, М. Е.* Мордва Татарской Республики // Материалы по изучению Татарстана : сб. ст. Вып. 2. – Казань : 2-я гостипография «Восток», 1925. – С. 179–196.
8. *Евсевьев, М. Е.* Избранные труды. В 5 т. Т. 5. Историко-этнографические исследования / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1966. – 552 с.
9. *Зейналов, Г. Г.* Экологические табу в развитии регионального социума / Г. Г. Зейналов, Е. В. Рябова // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 1. – С. 16–18.
10. *Корнишина, Г. А.* Экологическое воззрение мордвы (религиозно-обрядовый аспект) / Г. А. Корнишина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2008. – 156 с.
1. *Aunovsky, V. A.* (1869), Ethnographic essay of Moksha Mordovians, Memorial book of Simbirsk region in 1869, Simbirsk: Simbirsk Provincial Statistical Committee Press, p. V-85–108.
2. *Boreyko, V. E.* (2003), Forest folklore, Tree of Life and sacred groves, Kiev: KEKTS.
3. *Butuzov, F.* (1893), From the village life of Mordovians in Zhivaikin village of Zhadovskoy parish of Karsunskij County of Simbirsk county, Proceedings of the Kazan University, Vol. XI, № 5, p. 486–487.
4. *Bacon, R.* (1979), Great work, English medieval sources IX–XIII centuries, Moscow, p. 189–234.
5. *Herberstein, S.* (1866), Notes on Muscovy, Saint Petersburg: Bezobrazov V. and Comp. Press.
6. *Dubasov, I. I.* (1890), Sketches from the history of the Tambov region, Vol. 1, Tambov: County Press.
7. *Evseviev, M. E.* (1925), Mordva of Tatarian republic, Materials for the Study of Tatarstan, Vol. II, Kazan: 2nd gostipografiya “East”, p. 179–196.
8. *Evseviev, M. E.* (1966), Historical and ethnographic research, selected works, Vol. 5, Saransk: Mordovia Press.
9. *Zeynalov, G. G., Ryabova, E. V.* (2011), Environmental taboo in the development of regional society, Theory and Practice of Community Development, № 1, p. 16–18.
10. *Kornishina, G. A.* (2008), Ecological view of Mordovians (religious and ritual aspect), Saransk: Mordovia University Press.
11. *Kuznetsov, S. K.* (1912), Mordva, Russian historical geography, Vol. 2, Moscow: A. I. Snegirev Press.
12. *Melnikov-Pecherskiy, P. I.* (1909), Essays Mordovians, Full collection of works,

11. Кузнецов, С. К. Русская историческая география. Вып. 2 : Мордва / С. К. Кузнецов. – Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1912. – 76 с.
12. Мельников-Печерский, П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы // Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург, 1909. – Т. 7. – С. 410–486.
13. Мокшин, Н. Ф. Языческие верования мордвы и ее христианизация // Мордва : историко-культурные очерки. – Саранск, 1995. – С. 298–330.
14. Морохин, Н. В. Территориальная приуроченность обрядов и проблема охраны природно-культурных территорий в Нижегородском Поволжье // Любовь к природе : материалы междунар. школы-семинара «Трибуна-6». – Киев, 1997. – С. 242–259.
15. Особо охраняемые природные территории Мордовии / под общ. ред. В. И. Астрадамова. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1997. – 169 с.
16. Первушкин, В. И. Мордва Пензенской области / В. И. Первушкин, В. Я. Прошкин. – Пенза, 2010. – 124 с.
17. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – Москва : Государственное издательство географической литературы, 1957. – 287 с.
18. Сбоев, В. А. Исследование об инородцах Казанской губернии / В. А. Сбоев. – Казань : Издательство книгопродавца Дубровина, 1856. – 191 с.
19. Семенов-Тянь-Шанский, П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 5 / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Компании, 1885. – 1004 с.
20. Смирнов, А. Д. Заметки о мордве и памятниках мордовской старины в Нижегородской губернии // Известия общества археологии, истории и этнографии. – 1893. – Т. 11, вып. 3. – С. 277–295.
21. Смирнов, И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Казань : Типография Императорского университета, 1895. – 307 с.
22. Снежницкий, И. О ворявах // Пензенские епархиальные ведомости. – 1871. – № 20. – С. 627–634.
23. Цыганкин, Д. В. Память, запечатленная в слове : словарь географических названий Республики Мордовия / Д. В. Цыганкин. – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2004. – 432 с.
- Vol. 7, Saint Petersburg: A. F. Marx community press, p. 410–486.
13. Mokshin, N. F. (1995), Pagan beliefs of Mordovians and their christianization, Mordva: historical and cultural essays, Saransk, p. 298–330.
14. Morohin, N. V. (1997), Territorial confinement of the practices and the problem of protecting the natural and religious areas in the Nizhny Novgorod area of Volga region, Love of nature, Proceedings of the international workshop “Tribune-6”, Kiev, p. 242–259.
15. Astradamov, V. I. ed. (1997), Protected areas of Mordovia, Saransk: Mordovia Press.
16. Pervushkin, V. I., Proshkin, V. Y. (2010), Mordva in Penza region, Penza.
17. Travelling to Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk (1957), Moscow: State Publishing House of the geographical literature.
18. Sboev, V. A. (1856), Study on indigenous dwellers in Kazan province, Kazan: Book-seller Dubrovin Press.
19. Semenov-Tjan-Shanskij, P. P. (1885), Geographical and Statistical Dictionary of the Russian Empire, Vol. 5, Saint Petersburg: Bezobrazov V. Press.
20. Smirnov, A. D. (1893), Notes on Mordovians and Mordovian antiquite monuments in the Nizhny Novgorod province, Proceedings of Society of archeology, history and ethnography, Vol. 11 (3), p. 277–295.
21. Smirnov, I. N. (1895), Mordva. Historical and Ethnographic essay, Kazan: Imperial University Press.
22. Snezhnitsky, I. (1871), About voryavahs, Penza diocesan newsletter, № 20, p. 627–634.
23. Tsygankin, D. V. (2004), The memory embodied in the word. Dictionary of Geographical Names of the Republic of Mordovia, Saransk: Red October.